

Михаил ЖИЛИН

Гололед

Наверное, самые лучшие моменты в жизни — это те, о которых не хочется говорить. Несказанное ускользает. А быть может, только то, что вот-вот исчезнет, и представляет какой-то интерес. Вот, например, солнце садится... Раз — и его уже нет. Что же тут скажешь?

А вообще — солнце (как и свет) не бывает само по себе. Вся прелесть заката в восхищении на него смотрящих. А чтобы передать восхищение, в большинстве случаев нужно много чего рассказать. А когда все рассказал — это может повторить любой. И тогда уже все не так здорово — либо из-за бесконечных повторов, либо из-за не вполне удачной передачи уже сказанного. Наверное, поэтому закат теряет часть своей прелести, если

вокруг шум. Почему так часто тишина ускользает?

А, например, на вокзале тишины совсем нет. Там есть все: вагоны, чебуреки, карманники, платный туалет, милиция, камера хранения, бомжи... а! вот еще билетов нет! в кассе. Что поделать?! — сезон! Но все как-то уезжают... И товарищ мой тоже едет, хотя он местный... все мы местные, пока остаемся тут.

На вокзал собирались долго — товарищ заворачивал какие-то странные галстуки веселых расцветок — среди своих обхохочешься, среди чужих не наденешь. Я все говорил: еще успею поесть или пива попить. Так мы чуть было не опоздали. Точнее — товарищ чуть не опоздал... Теперь даже возможное опоздание нас разделяет... А вы-

росли мы вместе: сколько я себя помню, столько помню и его... А теперь товарищ уезжает в чужую страну, а я остаюсь по эту сторону географии.

Я не сказал важное слово — слово "навсегда". Все очень просто: если бы вокзал был бы чистым, то слово "навсегда" казалось бы не вполне уместным, а так как вокзал грязный, то кажется, что обязательно сюда вернешься. Такое мироощущение. Такие дела.

Поезд уже собрался вот-вот тронуться, когда товарищ сделал шаг на подножку вагона. Сделал и оступился. Такой вот последний шаг. И тогда я вспомнил... (вокруг — лето, юг, жара) а я вспомнил замерзшее море, провода в сосульках, на улице гололед... мы, счастливые, куда-то несемся с девчонками... я неосторожно выжимаю сцепление, и нас начинает крутить по дороге... но никого вокруг нет, и мы смеемся — товарищ смеется, я смеюсь, девчонки хохочут... а нас все крутит... крутит... вот так крутишься, крутишься — а столько лет уже прошло... что скоро уже не бу-

дет иметь значения — где ты там и когда оступился...

Знаете, я уже давно не могу заплакать. С одной стороны — взрослые мужики не плачут. А с другой — по-моему, просто повода достойного нет: нельзя же всерьез воспринимать всякие глупости — вроде пустой холостяцкой квартиры... Наверное, поэтому более трепетно начинаешь относиться к тем, кто видел когда-то, как ты плачешь навзрыд. Ведь когда тебе сильно обидно, значит, хоть что-то для тебя имеет значение. А значит — все может быть хорошо.

— Все обязательно будет хорошо! — кричу я с перрона, но товарищ не слышит: вокзал что есть силы шумит. Поезд трогается, товарищ уходит в купе. Я остаюсь. Я остаюсь стоять, где стоял. И только когда поезд немного проехал, я срываюсь с места и добегаю до окна, которое разделяло меня и товарища, прикладываю к окну ладонь... на мгновение мне кажется, что наступила полная тишина... и тогда я понимаю, что поезд уезжает по-настоящему...

Прошло

Время прошло. Я стал другим. И даже не то что бы другим, а так... Вот как будто едешь за рулем и словно не ты машину ведешь, а кто-то, кем ты никогда не был. Какие-то механические движения... и... кажется: вот-вот придет осознание — что на самом деле ты сейчас на заднем сиденье книгу читаешь... вот-вот, но раз — и нужно поворачивать, передачу менять... и правда ушла, тебя настоящего нет, а есть похожий на тебя человек, спешащий туда, куда тебе давным-давно спешить не надо... Путано, наверное, объяснил, но что делать — день сегодня такой: и мама умерла, и товарищ погиб... правда — в разные годы, но такое чувство, что разницы во времени нет никакой. Словно звонил через океан, а тебе друг детства бодрым голосом отвечает. И друга давно не видел. Очень давно. А голос есть, слова есть, а чего-то все равно не хватает. Вот это (того, чего как бы нет) и есть то время, которое мы не виделись. А может, не время даже... а!

вот — время, которое мы не виделись, похоже на пространство, где товарища никогда больше не будет. Опять путано как-то... Как будто не я написал. Да и не звоню я своему товарищу за океан, и он мне не звонит. Может быть, это и есть доказательство того, что мы существуем... но глупое доказательство... грустное... Но, возможно, и верно — потому что молчание чаще похоже на правду, чем любые слова... даже те, которые не сказал, даже те, которые уже не сказать... не говоря уже о тех, которые считаются правдой.

Так вот... О чем еще?! Может, если ты не можешь понять, осознать прошлое, то сложно быть уверенным в будущем. В таком случае обрести спокойствие — значит, о прошлом забыть. А я, вроде, все помню, только обрывисто как-то... Какие-то оборвавшиеся диалоги... эпизоды без продолжения... финалы без начала... Размытые фотографии... Не помню — что за чем произошло. Не знаю: что — за чем, что — зачем... Вспышка. И я стою перед мамой...

перед матерью товарища... секунду назад я был на лестничной клетке и говорил кому-то: "Жми!". И тон у меня, наверное, был такой, словно я имел в виду скорость, выезд на встречную... а речь шла всего лишь — о кнопке звонка... Уже позднее я научился смотреть опасности в глаза... точнее, не научился даже, а понял, что ли, — как опасность пристального взгляда не любит. Не любит уставшего... упорного... взгляда... Но тогда я почти ничего об этом не знал. А видел, как мать разрыдалась, увидев меня... Разрыдалась до истерик... Не моя мать... чужая... но... может, представила она себе, что все могло быть совсем иначе — будь я рядом, а может, — представила, что со мной рядом ее сын и все как обычно... мы живые... и я, и он...

Вспышка. И я уже стою в больничной палате возле кровати моей мамы... и пристально смотрю на заправленную постель. Потом чуть поворачиваю голову и вижу лицо маминой соседки по палате. Соседка смотрит на меня... смотрит в глаза... шепотом произносит: "Ты ничего не знаешь?". И тут, словно эпизод повторяется — и кто-то нажал кнопку звонка... Крупные слезы у соседки из глаз... она закрывает лицо руками... мне кажется, что я ничего не

слышу... а хочется мне — чтобы я не услышал ничего из того, что сказали... я стою и смотрю на дрожащие плечи соседки... на подкашивающиеся ноги... никто не позвонил, никто не сказал... ничего... пустота... время застывает и падает... и тащит вместе с собой плачущую соседку... все проходит, и время пройдет... все повторится, кроме чувства потери.

А сейчас я еду на кладбище. Один. Не люблю — когда кто-то рядом. Знаете, когда кто-то возле тебя — легче понять свои чувства. А когда ты один — легче их прятать. И одиночество — это когда сам от себя свои чувства скрываешь... а может, — просто и чувств нет никаких... вот и никого рядом нет...

А есть полоса отчуждения с одной стороны кладбища, стоящие цистерны, проезжающий товарняк... дальше — город, многоэтажки... С другой стороны — видно лиман... небольшие дома частных горизонт... Думаю, что здесь хорошо можно представить ангела без крыльев... Но я представляю себе, что сижу над обрывом и смотрю — как волны бьются где-то внизу... Но на самом деле — я смотрю в землю... И чувствую, как ложатся вечерние тени на словно куда-то плывущее кладбище...

Последний этаж

Я начал умирать в скорой... Понял это, потому что еще секунду назад было очень больно, но сразу все прекратилось... Еще мгновением раньше страшно хотелось кричать, и я знал, что если начну, то не остановлюсь, и все ждал, когда в очередной раз потеряю сознание... А тут моментально — ничего... Когда боль уходит, она все забирает с собой... Где-то далеко-далеко зазвучала сирена... "Давай по встречной!" И я ушел в темноту...

До того, как приехала скорая, ко мне приходил человек в черном... Он сел рядом и сказал: "Ну, вот и пришло время нам с тобой поговорить". Но я ответил, что не хочу... Человек покачал головой, посмотрел на свои руки... я почему-то

ждал, что они начнут дрожать, но ничего такого не произошло, и мне стало больно... я очнулся...

"Потерпи... Мы скоро доедем..." Я был еще в скорой и не мог решить — живой я или уже нет... Я видел грязный потолок — похожий на крышку гроба изнутри... Слышал какое-то всхлипывание... Потом почувствовал, что меня вытаскивают... но только когда какая-то женщина в белом провела мне по волосам рукой, я понял, что еще не совсем умер...

"Давайте его в реанимацию"... Я хотел попросить обезболивающего, но не смог...

Знаете, у нас почему-то все реанимации очень далеко... они спрятались на каких-то последних этажах... наверное, чтобы было слож-

нее там оказаться... Я никогда не забуду, как у деда останавливалось сердце, а реанимация — на четвертом, лифт не работает... нет носилок... дед посмотрел на это все и пошел, его пытались подхватить под руки... но дед из последних сил отталкивал всех и упрямо шел сам... умер он уже наверху... такая вот лестница в небо...

А меня кое-как протащили чуть-чуть по ступенькам, и мне стало совсем плохо... я бы этого не заметил, потому что не очень уже все замечал, но вокруг стали суетиться — понесли капельницы, шприцы, какие-то аппараты... И я подумал, что глупо как-то умирать между этажами... как-то странно и стыдно... и тут прямо над лестницей, по которой

нужно было подняться, начало вставать солнце... Такое же, как на расвете... И я пополз в реанимацию...

"Ну, этот точно выживет", — все остолбенело смотрели, как я ползу, но об этом я тогда ничего не знал... думал — все смотрят, как поднимается солнце... Сознание я потерял только наверху — в самом конце лестницы...

Потом — через год — я встретил врача скорой... Он выходил из парадного какой-то серый, уставший, сгорбленный... с болью в глазах... Я посмотрел на него и сказал: "Здравствуйте, доктор!". Он глянул на меня, не узнал... Просто видел меня совсем другим... умирающим... ненастоящим... "Что вам?" Мне?.. Мне уже ничего...

Доктор сел в скорую, которой — лет и лет... И очень медленно, со скрипом уехал... А я подумал о том, что в похоронном бюро машины гораздо новее, лучше и ездят намного быстрее... А еще подумал о том, что, может быть, обзвонился...

Владимир МИНЕНКО

Не ограничен рамой, не взвешен на весах голубоватый мрамор, плывущий в небесах.

Пока февраль картавил и март счета сводил, он воздвигал порталы и своды возводил.

Над листьями аканта капризничал апрель, пока маниакально вскипала капитель.

Как мерзлую капусту, небесный матерьял распыливал на брусья и угол промерял.

Подвинет брус в окошко на уровне виска, и мраморная крошка посыплется с бруска.

Он начал бы без репетиций, день, предназначенный для шестивей. Его б озвучивали птицы и капли, бившие по жести.

Строки ломая бормотанье, хрустело бы в седьмом колене. И это всё — начало марта и моря блеск в конце аллеи.

По направлению к купели маршировала бы когорта. И море оловом кипело, вливаясь через раструб в горло.

Должно быть, следуя примеру, как солнце в зелени беседки, день проникал через шпалеру июльской календарной сетки.

Уже отмечено в природе все, причислявшееся к лету, где машет тень на обороте страницы, разграфленной в клетку,

где яблоко на книжной полке показывает сердцевину и полдень до краев наполнил свою плетеную корзину.

Стояла жара, истлевала трава — когда для спасенья не зная рецепта, ее штриховали сангина и сепия. Дул ветер из степи спустя рукава.

И мокрую прядь убирая со лба, пытаюсь добыть хоть какой-то корысти, хотелось укрыться, ступив, как в корытце, в прокрустову тень верстового столба...

Тот туман, что клубился за мысом, подымавшийся из залива уплотнялся и наполнился смыслом в увлажненном сознании Ио.

Прикрывавшая кратер завеса, для нее, проглядевшей до дырки, представлялась субстратом Зевеса и жгутом бельевым после стирки,

белым облачком в области паха, обещавшим пугливой наяде небывалого в прошлом размаха растворяемые объятья...

Не минул ни холмов, ни ложбины, возлагал невесомое бремя, сочетавшее две половины отношений бисквита и крема.

«Всемирные одесские новости»

в сети Интернет:

www.odessitclub.org